

Знакомство

Мне было тридцать четыре, когда я их нашла.

Со своим мужем я встретилась в интернете — на сайте знакомств. После смерти его первой жены уже прошло одиннадцать лет. Через две недели после знакомства в Сети мы впервые увиделись офлайн, через полтора месяца он сделал мне предложение (и я его приняла), через три месяца я забеременела, а через девять — переехала в Амстердам, к мужу и двум его дочкам-подросткам.

Большинство знакомых — и старых, в России, и новых, в Европе, — видели во мне только женщину, отчаянно стремящуюся найти мужа. В России в тридцать четыре года выскакивает замуж и немедленно рождает та, которая твердо решила «запрыгнуть в последний вагон».

В Европе тридцать четыре года не повод торопиться с замужеством, но поспешный брак и скорая беременность здесь также настораживают. Европейцы любят долго встречаться, долго жить вместе, и лишь спустя годы некоторые решаются придать отношениям официальный статус.

Я не особо люблю рассказывать нашу историю. Однако время идет, вопросы не иссякают, и мне приходится повторяться. У этой истории есть две версии: короткая

и длинная. Именно короткая и порождает вопросы. Но выслушать длинную готовы далеко не все.

Однажды вместе с Мирой — нашей общей с мужем годовалой дочерью — я пришла на прием к педиатру.

— Другие дети есть?

— Есть, две старшие сестры.

— Сколько лет?

— Пятнадцать и двадцать.

Врач оторвался от карты, которую заполнял, и оглядел меня оценивающе.

— Для таких взрослых детей вы хорошо выглядите.

— Нет-нет, я вторая жена их отца.

— Понятно. — Врач вернулся к записям. — Старшие дети живут не с вами?

— Средняя, Лола, — с нами, старшая — уже отдельно.

— Почему средняя дочь живет с вами, а не со своей матерью?

Многих интересует именно это. И я задала этот вопрос будущему мужу сразу после знакомства. До меня он сам отвечал на него целых одиннадцать лет, а теперь уже и я устала об этом рассказывать.

— Что ты обычно отвечаешь? — спросила я как-то мужа.

Он бросил сухо, даже резко:

— Мама нет.

— А если переспрашивают: «Как это — нет?»

— Говорю, что умерла.

— А если спрашивают от чего?

— Не отвечаю. Если они еще не поняли, что я не хочу говорить на эту тему, — это их проблемы.

Обрывать разговор и жестко отвечать на подобные вопросы я не могу — мне это кажется невежливым. Поэтому приходится лавировать между желанием не сокрушаться и стремлением сохранить чужой секрет. Прошло пять лет, пока я не научилась внешне спокойно произносить: «К сожалению, их мама умерла очень рано. Девочки были еще совсем маленькими: Жасмине было пять лет, Лоле — полтора». Обычно после такой фразы уточняющих вопросов не возникает — видимо, информация о детях переключает внимание. Но слова сожаления неизменно звучат.

Самое утомительное — слушать сочувствующие возгласы и видеть трагические лица женщин.

— Бедные дети! — вздыхают все.

Да, отчасти бедные. Смерть мамы — большая потеря. Но после ее ухода в жизни девочек осталось много папы — живого, веселого, спортивного, иногда резкого, иногда слишком строгого.

— И как же они с этим живут?! — звучит следующий вопрос.

По-разному. Младшей, Лоле, с виду попроще; старшей, Жасмине (по-домашнему Жасе), сложнее. Но это сейчас. Я заметила: каждый год их жизнь без мамы меняется, постоянно возникает что-то новое. И даже я со временем по-другому проживаю эту ситуацию.

«Маму никто не заменит» — стандартная фраза, которую я слышу из года в год.

Раньше я бы могла сказать так же. Но сейчас точно знаю: ничто не заменит любовь, заботу, принятие. А их, к сожалению, может дать детям не каждая родная мама.

Чем больше я занимаюсь темой отношений детей и родителей, тем очевиднее это становится.

В первые дни знакомства с будущим мужем я говорила те же самые слова, так что я понимаю всех, кто задает мне подобные вопросы.

Однако с годами этот факт нашей биографии стал для меня привычным. Я задала все важные вопросы мужу и детям, а также самой себе и психотерапевту.

Кульминация наступает в тот момент, когда звучит главный вопрос беседы.

— А от чего умерла их мама?

— Суицид, — бросаю я кратко. И точно знаю, чего ждать, потому что дальше всегда происходит одно и то же.

Повисает неловкая пауза. Мне хочется поскорее ее проскочить, но я сознательно молчу, давая собеседнику время самостоятельно справиться с эмоциями. Я знаю, как пойдет разговор, я прошла десятки таких разговоров и научилась отвечать на однообразные вопросы заготовленными фразами.

Мы уже прожили вместе годы. Теперь смерть Нигины — так звали маму Лолы и Жасмины — перестала быть трагедией. Как говорит Лола: «Это старые новости». Она стала частью нас — ее каждый из семьи принял и определил ее место в своем сердце. И она покоится там, как хранится у кого-то фотоальбом о поездке в Сочи пятнадцать лет назад. Для каждого это часть семейной истории, как и история других родственников. Моя бабушка покончила с собой, бабушка умер от рака, а мой папа был последним из восьми детей в семье.

Мы провели в разговорах сотни часов, оплатили десятки сеансов у психотерапевта. Как относиться к смерти Нигины, мы для себя определили — и каждый по отдельности, и все вместе. И теперь мы просто живем.

У Жасмины и Лолы после смерти мамы остался один значимый взрослый — их папа. Самый близкий и родной человек, далеко не идеальный. Он был вынужден включиться в жизнь дочек за обоих родителей. Он принял на себя ответственность за воспитание, как он его видел, и с точки зрения заботы, объятий и помощи по школе он отлично справлялся.

Первое время у меня было ощущение, что Нигина, мама девочек и первая жена моего мужа, как будто живет вместе с нами, и у меня были с ней свои особые отношения. В них были совершенно разные чувства. Разговоры о ней, ее фотографии по дому, воспоминания о ней, картины с ней. Большую часть времени я ее ненавидела за то, что она так поступила с дорогими мне людьми. Лишь изредка становилось ее жалко. Тогда мне хотелось обнять ее, сказать: «Как же тебе было плохо, что ты на такое решилась?!»

Иногда я мысленно говорила ей: «Посмотри, наша с тобой общая девочка летает на лентах под крышей. Надеюсь, ты это видишь?»

Я читала статьи и научные исследования на тему суицида, смотрела всевозможные интервью. Мне крайне важно было понять, как человек вообще принимает такое решение. Да, в юности я сама раздумывала о суициде, но это не то же самое. У нее же был прекрасный муж и отличные дети. Я не могла понять.

Но однажды наступил момент, когда я в душе поблагодарила ее за этот поступок. Ведь теперь я могу быть с ними, теперь они — моя семья. Если бы не случилось того ноября, у меня сегодня не было бы двух прекрасных старших и двух чудесных младших дочек и я не стала бы частью их жизни. Я понимаю, как это звучит, но я честно пишу о своих чувствах.

После переезда в Амстердам я постоянно подсчитывала, сколько времени я уже знакома с Лолой. Когда срок перевалил за два с половиной года, я выдохнула: теперь я по времени с ней уже дольше, чем была ее родная мама. Ведь Лоле было полтора, когда Нигины не стало, — к возрасту ребенка я прибавила еще период беременности ее матери. Теперь я больше не боролась за право играть роль ее мамы.

Со временем мысли о Нигине стали приходить реже и почти исчезли. Теперь это моя (а не ее) семья. Все возникающие в семье сложности уже мои, какие бы причины их ни породили.

Нигина

Наверное, не было человека, который, узнав о самоубийстве Нигины, не спросил бы: «Почему она это сделала?» Я понимаю людей, задающих вопросы. Мы всё всегда проецируем на себя. Почему? Ведь я бы этого не сделала! Тогда как же надо было ее довести?!

— Никто не знает, — отвечаю я, предполагая, что мне не поверят. Большинство людей считает, что причина точно есть, а мы ее утаиваем.

— Как это — «никто не знает»? У нее же дети!

— У вас кто-нибудь из близких покончил с собой? — уточняю я.

Редко кто кивнет. Те, кто сталкивался с самоубийством, вряд ли спросят, почему человек так поступил, — они знают, что на этот вопрос нет ответа.

Лучше всего об этом однажды сказала Лола:

— Представь, Наташа: ты живешь, у тебя есть партнер по жизни — твоя жена, твой друг. Однажды ты приходишь домой, а его нет. Он покончил с собой, и тебе просто некому задать вопросы.

Наверное, это самое тяжелое для родственников — невозможность больше ни о чем спросить ушедшего.

Чаще всего люди пытаются объяснить суицид тяжелыми событиями в жизни человека: «у него был рак», или

«у нее погибла дочь», или «он был в долгах». Однако не каждый больной раком или потерявший ребенка накладывает на себя руки. И видимая причина у самоубийства есть далеко не всегда.

В моей семье было два суицида. Когда мне было девять, моя бабушка написала предсмертную записку и отравилась таблетками. Самоубийство Нигины оказалось вторым.

В детстве я совершенно не понимала, как такое могло произойти. Больнее всего была мысль о том, что близкий, родной человек самостоятельно принял решение нас бросить. Бабушку забрала не болезнь, не тюрьма, не несчастный случай — она сама ушла в никуда.

Люди, в семье которых произошел суицид, чувствуют себя одиноко и изолированно. Самоубийство окружено молчанием и стыдом. Родственники погибшего испытывают боль потери, но не чувствуют себя вправе об этом говорить. И каждый хочет знать ответ на вопрос «почему?». Так было и у нас.

Когда нашей с мужем общей дочери Мире исполнилось четыре месяца, мы поехали в Дубай, чтобы там встретиться с его родителями. Естественно, там часто звучало имя Нигины. Эти разговоры вызывали у меня разные эмоции.

С одной стороны, я хваталась за каждую возможность получить о ней хоть какую-то информацию. О том, как они жили с моим мужем, какой была их молодость. Какой была сама Нигина? Как она относилась к детям? Стоило кому-то произнести ее имя, я тут же начинала задавать вопросы. Но ответы не приносили успокоения. Наоборот, я испытывала к ней сильную неприязнь.

Периодически мне становилось плохо до тошноты. Моя семья была когда-то еще чьей-то семьей. Дети, после которых я чищу туалеты и чьи слезы я регулярно вытираю, на самом деле не мои. Я краем своей жизни зацепила их историю, которая тянется из далекого прошлого. Мое участие в ней минимально, и здесь, за этим столом, мне даже нечего рассказать в ответ.

Ну купили куртку, ну я ходила к Лоле в школу на собрание, была у Жасмины на отчетном концерте. И все — пока больше ничего. Я не меняла им памперсы, не сбивала температуру, не видела первых шагов, не отвела Лолу в первый класс, не утешала после первой плохой оценки.

Я сама не понимала своего странного желания знать о жизни, в которой меня еще не было, хотя знание причиняло мне колоссальную боль.

Только спустя четыре года я поняла свою мотивацию. Мне нужно было получить максимум информации о Нигине, потому что это была уже не ее, а моя семья. Узнавать детали счастливой молодости моего мужа и его жены мне было больно. Но этот период сформировал мою семью такой, какой я ее получила. Мне нужно было узнать как можно больше.

Я постоянно встречала людей, знавших о муже и девочках больше, чем я. И это сводило меня с ума. Каждый, с кем я случайно сталкивалась, рассказывал мне что-то новое. Все это давало мне понять: здесь очень мало меня и много других.

Странное чувство: живешь с людьми в одном доме, ежедневно обсуждаешь какие-то текущие проблемы, переживаешь конфликты и радости. Однако появляется

кто-то, кого ты видишь в первый раз в жизни, и он знает о твоих самых близких гораздо больше тебя.

Меня не покидало ощущение, что я пропустила огромный кусок жизни и наверстать это невозможно. Чужие знают больше просто потому, что были тогда с ними, а мне приходится выискивать информацию, как в детективном фильме. Я постоянно приходила к мужу и переспрашивала: «Мне сказали то-то. Это правда?»

— Моя знакомая работала у них няней, они вместе с моими детьми занимались рисованием. Знаете, у Жасмины уже тогда был явный талант!

— Мы вместе ездили в горы, когда девочки были маленькими. Им так нравилось жить в палатках!

Меня бесила, злила, выводила из себя чужая осведомленность. «Пошли бы вы подальше со своими знаниями, — думала я каждый раз. — Вы все неправильно знаете».

В Дубае за ужином с родителями мужа кто-то опять упомянул Нигину. Лола резко встала из-за стола и вышла. Обычно подобные разговоры она переносила спокойнее. Я догнала ее на улице.

— Лола, что происходит?

— Зачем они опять о ней? Почему постоянно о ней говорят?

— Я не знаю. Но скорее всего, она была свидетелем многих событий в их жизни, с ней связано много их воспоминаний. Хороших, теплых. Она была хорошим человеком.

— Но мы ничего о ней не знаем. Мы вообще ее не знаем. Зачем о ней говорить?

— Ты можешь узнать о маме как раз из таких разговоров. Или отдельно поговори с папой, он много сможет тебе рассказать.

— Я не знаю, как о ней говорить. Я даже не знаю, что я к ней чувствую.

— А как ты думаешь, что ты чувствуешь?

Лола заплакала, я попыталась ее обнять, прижать к себе покрепче. Никогда раньше я не видела у нее такой резкой реакции на тему мамы.

— Я думаю, это все из-за меня. — Лола произнесла это уверенно, как будто давно и точно это знает.

— Почему, Лола?

— Потому что она жила до меня, и они были счастливы. А потом родилась я, и ей стало так сложно, что она не захотела больше жить.

Бедный ребенок, как же ты жила столько лет с этой мыслью! И как же мне самой не пришло в голову, что об этом надо поговорить именно в разрезе вины, вывести тебя на этот разговор?

Позже, общаясь с психологами во время работы над своими проектами, я узнала: первое, что делает ребенок в любой травматичной ситуации, — берет на себя вину. Даже если ее быть совершенно не может: чья-то смерть в результате болезни, развод родителей, конфликт в семье. А значит, первое, что нужно сделать в стрессовой ситуации, — четко и понятно донести до ребенка: «Ты ни в чем не виноват». И повторять это регулярно.

— Она очень тебя любила и очень ждала. Она хотела, чтобы ты у нее была. Посмотри на фото, где вы вместе. Она безумно счастлива. Она хотела как можно больше времени проводить с тобой. Она вас с Жасей обеих очень-очень любила.

— Откуда ты знаешь?

— От папы, из ее дневника, и я вижу это на фотографиях. Я вижу, как она счастлива, когда держит тебя на руках. Ты была ее радостью. Так что ее смерть — это совсем не твоя вина.

Лола продолжала всхлипывать, но уже тише.

Дневник Нигины я нашла случайно — после ее смерти о нем, наверное, забыли. Из всей семьи я прочла его первой, хотя у меня и не было на это права. После меня он дошел до девочек. Думаю, многие приемные родители состояние бы отдали за такой источник информации о родной маме их детей. Там было много ее, их мамы. И это дало мне возможность понять, какой она была и какой останется в памяти.

Всех, кто был в жизни моей семьи до меня, из нынешней жизни я вскоре исключила. Спустя четыре года мне было уже не так страшно и неприятно, но пережитое ощущение полного бессилия стало для меня триггером, спусковым крючком. Стоило столкнуться на улице с кем-нибудь из тех, кого я вычеркнула из жизни своей семьи, мне становилось физически плохо. Но при этом я не упускала возможности узнать что-нибудь новое о Нигине, если подворачивался случай.

Иногда в нашей жизни появлялись люди, которые могли рассказать о ней то, чего мы не знали. Обычно они находили меня в социальных сетях, потому что писали девочкам, а те им не отвечали. Кто-то представлялся подругой, кто-то — соседкой. Я не особо понимала, как к ним надо относиться, но узнавать о Нигине было интересно и неприятно одновременно.

Другим надежным источником информации о прошлой жизни семьи оказались видеокассеты. Мой муж

и Нигина делали эти записи, когда жили в Австралии. Видеокассеты где-то затерялись, а обнаружили мы их, можно сказать, тоже случайно.

На пороге восемнадцатилетия Лола увлеклась видеосъемкой. Она уже твердо решила стать режиссером. Она нашла дома старую камеру и кассеты и хотела использовать их для своих экспериментов. Но, к счастью, сначала спросила разрешения.

— Папа сказал, надо посмотреть, что на пленках и можно ли их перезаписать. Сомневаюсь, знал ли он, что на них. Я увидела, что это домашнее видео, но тоже не сразу поняла какое. Мне ведь просто нужна была камера и пленка. Но я решила все-таки посмотреть эти записи и почувствовала связь. И тогда мне хотелось структурировать свои мысли, систематизировать их. Чем больше я смотрела, тем больше я видела ретроспективу жизни. И это стало шоком. Впервые я увидела маму своими глазами и сформировала собственное мнение о ней. Не Жаси, не папы — свое. Я увидела, каким она была человеком или каким была бы, если бы осталась жива.

Эти записи мы смотрели с Лолой вместе. Она их оцифровала — ей было важно их сохранить в удобном формате, ведь VHS нам даже смотреть толком было негде.

Какие-то моменты в этих видео было сложно видеть мне, какие-то — Лоле. И тогда мы ставили запись на паузу и разговаривали. Потом включали снова и смотрели до ночи. Расходились по спальням и продолжали смотреть на следующий день.

Видеозаписей — восемнадцать часов. Просто жизнь. Просто прогулки по морю. Просто дом, в котором

болеют дети. Это был лучший рассказ о Нигине и о моей семье.

Когда появились первые видеокамеры, люди снимали все подряд. Иногда просто ставили камеру на стол и нажимали запись. И обычная жизнь обычной семьи попадала на пленку.

В кадре никто надолго не задерживался, маленький прямоугольник, окно в прошлую жизнь, часто был пустым. Кто-то прибежал, потом убежал. Но было слышно, как они общаются, даже если их самих не было в кадре. Было очень интересно наблюдать за их отношениями.

Вот камеру взяла Нигина, она снимает Жасмину и Лолу. Они купаются в ванне, им столько же, сколько сейчас моим Мире и Кае. Все знакомо: старшая крепко обнимает младшую, а та вот-вот погрузится в воду. Голос Нигины: «Жася, аккуратнее». Я бы тоже так сказала. Какое жуткое дежавю!

У нас та же деревянная лошадка. Те же пирамидки и другие игрушки. Мама дорогая, как же мой муж среди этого живет?! Это же все было! Хулиганистый второй ребенок, осторожный и ранимый первый. Весь смех и умиление второму. Первого просят не шуметь, помочь что-то принести, достать упавшую игрушку. Это же мы — только семнадцать лет назад!

Но там не я, а другая женщина. Молодая, веселая, внешне спокойная. Она явно мягче меня, но может быть такой же жесткой. «Хочешь мартини?» — предлагает ей муж. «Лучше водки», — отвечает она. Моему мужу не везет на мягких жен.

Эта женщина совсем не похожа на классическую мусульманскую жену, по крайней мере, как ее представляю

я, возможно, из-за стереотипов. Она немногословна, не принужденно смеется, поддразнивает детей и мужа. Я бы с ней подружилась. Она классная.

Лола смонтировала фильм — нарезала кадры той жизни, сделала субтитры со своими мыслями. Это оказалась отличная психотерапия. Лола говорила о боли, об обиде, задавала вопросы и сама на них отвечала. Мы отсматривали кассеты несколько вечеров. Мне было интересно не меньше, чем Лоле.

Я видела своего мужа, каким он был много лет назад. Я слушала, как он спрашивает, а его жена отвечает. Я пыталась понять, случались ли у них конфликты. И насколько верно альбомы с фотографиями, полными счастья, отражают действительность. На видео реальные люди ходили и смеялись. Я ловила их взгляды, слышала шутки, видела реакции.

Лола работала над фильмом долго. Он был уже готов, и она нажала кнопку «Сохранить». В этот момент компьютер отключился — все пропало. Лола очень плакала. Папа пытался восстановить файл, спасти хоть что-нибудь, но не смог.

И тогда Лола смонтировала фильм по новой. Прodelала всю титаническую работу еще раз — вышло даже лучше. Получился очень глубокий, на мой взгляд, фильм. Сейчас она, вспоминая весь процесс, говорит в единственном числе: «Я сидела, я смотрела». Она, наверное, не помнит, что я была рядом. Что мы смотрели видео вместе. Но в этом то и прелесть. Я смогла быть рядом с ней, мы переживали вместе — но у нее осталось ощущение, что она прошла этот путь сама. Это ее история и история ее мамы.

Им надо было побыть вдвоем.

Самоубийство рациональному объяснению редко поддается. Но так бывает: человеку по каким-то своим, не объективным, на наш взгляд, причинам может стать настолько плохо, что смерть вдруг предстает оптимальным выходом.

Не всякий суицид завершается «успешно». Некоторые выжившие после попытки самоубийства рассказывают, что в тот момент они были убеждены: без них будет лучше всем, даже их детям.

Родственники погибших проходят разные этапы отношения к ситуации. И интенсивность эмоций бывает разной. Первое, о чем я подумала, когда впервые услышала о самоубийстве Нигины, — моя бабушка тоже покончила с собой. Удивительно, как люди с похожими ситуациями в жизни находят друг друга.

Калейдоскоп мыслей крутился еще долго. Как она могла сломать им всем психику, оставить мужчину и двух маленьких детей, бросить в ситуации, когда даже не было денег на няню!

Когда кому-то из девочек в очередной раз становилось плохо, я ее ругала и обвиняла: «Это всё последствия твоего поступка, как ты не подумала, что твои дети будут травмированы настолько, что всю жизнь будут залечивать эти раны».

Позже я обсуждала эту тему со своим московским психологом, и она мне сказала: «Наташа, это уже ваша семья. И разгребать какие-то проблемы из прошлого и какие-то текущие сложности придется вам. Хватит оглядываться на прошлое. Ну были какие-то люди — и были. А теперь есть вы».

И я, выйдя от психолога, отправилась к моей семье.

Первая встреча

Когда самолет приземлился в Амстердаме и я написала будущему мужу, что прилетела, он тут же откликнулся: «Лоле нужно двадцать минут на сборы».

Мы собирались впервые встретиться после знакомства в Сети. Я ожидала завтрака тет-а-тет. Но оказалось, что с нами будет Лола. Первая паника от такого стремительного погружения в семью сменилась облегчением: значит, я могу прийти с племянницей. Наша с ней поездка в Амстердам была запланирована задолго до моего знакомства с будущим мужем. Даша чуть старше Лолы, и я знала, что она меня поддержит, возьмет за руку, обнимет и выручит, если надо будет сбежать. Так что я была рада, что на первой встрече с Лолой буду не одна, потому что встреча с Лолой пугала меня больше, чем встреча с ее отцом.

Когда ребенку лет пять-шесть, с ним можно поболтать о детском. Если шестнадцать, можно говорить почти как со взрослым. Но Лоле было одиннадцать — совсем непонятный возраст, ясно, что она еще не взрослая, но уже и не ребенок.

Мы договорились встретиться у Эрмитажа Амстердам*. На первом свидании часто неловко, а тут с нами было двое детей — по одному с каждой стороны. В таком случае фокус внимания сразу перемещается на них. Сначала это кажется странным, неромантичным, зато объединяет. Ты вдруг понимаешь, что вы уже в одной лодке. Что вы оба беспокоитесь не о себе, а о них, стесняетесь не друг друга, а их. И все сразу становится понятно.

В назначенном месте мы с Дашей оказались немного раньше. Мы видели, как они паркуют велосипеды в десяти метрах от нас. Первое, что я заметила в Лоле, — невероятного цвета глаза. Потом уже обратила внимание на овал лица, ровный маленький нос, волнистые каштановые волосы. Они были стянуты в тугий хвост. Миниатюрная одиннадцатилетняя Лола была очень просто одета: узкие джинсы, флисовая кофта, нелепые, как будто на два размера больше, ботинки. Девочка часто улыбалась, прикрывая рукой брекеты.

Через двадцать минут мы оказались в кафе, друг напротив друга. Я исподтишка ее рассматривала и думала: «Ну что, маленькая девочка, нам с тобой придется жить вместе. Неужели я сейчас смотрю на своего будущего ребенка?»

Ситуация была действительно странной. Два взрослых человека впервые встретились полчаса назад, но уже

* Эрмитаж Амстердам (нидерл. Hermitage Amsterdam), или Эрмитаж на Амстеле (нидерл. Hermitage aan de Amstel), — музей и выставка на реке Амстел в Амстердаме. Филиал Эрмитажа в Санкт-Петербурге.
Прим. ред.

обсуждают гипотетический переезд одного к другому. При этом разговоре присутствуют двое достаточно взрослых детей, которые смутно догадываются о том, что здесь происходит.

Будущий муж представил меня Лоле другом их семьи. Девочка восторженно разглядывала то меня, то Дашу, периодически усаживалась на колени папе, а через несколько секунд возвращалась на свое место. Мне показалось, она не понимает, как себя вести в этой новой компании. Каждые пять минут она поправляла на голове бант, который развязывался. Этот бант говорил сам за себя.

Как я потом узнала, всю одежду детям покупал папа. У них был настолько ограниченный набор вещей, что я сначала заподозрила его в бесконечной жадности. Весь гардероб девочек умещался в двух маленьких ящиках. В доме было правило: если покупаешь новую майку, то выкидываешь старую. Так у них всегда было по паре джинсов, футболок и свитеров.

Лола приехала на встречу со мной в том, что купил ей папа во время очередного онлайн-шопинга: флисовой фиолетовой кофте на молнии поверх шелковой майки на два размера больше нужного, джинсах и больших теплых ботинках. И именно бант был квинтэссенцией Лолы — большой, мягкий, она завязывала его на разный манер. Она где-то нашла шелковый шарф и добавила к одежде, купленной папой, свой элемент. Этот бант — крошечное дополнение — многое говорил о Лоле. И мне стало понятно, что для начала путь к ее сердцу можно проложить через поход по магазинам.

В тот день в моей сумке лежало несколько пузырьков с лаками для ногтей — я решила, это самое простое, что можно подарить одиннадцатилетней девочке и что ее наверняка порадует. И не ошиблась. На следующий день после шопинга мы красили ногти, крутили бигуди и изучали в соцсетях аккаунты известных фешен-блогеров.

Лола радовалась любой моей идее, подхватывала каждую мысль, слушала, приоткрыв рот, — и удивлялась всякой ерунде. Я тогда еще подумала: «Неужели мне правда повезло? Какая легкая и жизнерадостная девочка!»

Когда-то давно, совсем маленькой, Лола сильно разбила бровь. Наложили швы, но шрам остался. Серьезные травмы у Лолы случались часто — едва ли не раз в год. Папа к этой ее особенности привык, в больнице Лолу тоже знали и даже подшучивали, когда она попадала туда в очередной раз. Уже при мне ей пришлось зашивать раны на обеих щиколотках.

На шрам на брови я обратила внимание почти сразу. На нем не росли волосы, и Лола регулярно проверяла, не исправилась ли ситуация. «Он мне не нравится», — говорила она, часто поправляла бровь, стараясь прикрыть рубец, и все ждала, когда же он исчезнет.

Однажды я решила: «Лола, он не исчезнет. Давай привыкать к тому, что он есть».

— Как не исчезнет? — Ее глаза наполнились слезами.

— Это же шрам. Он навсегда. Он — твоя особенность.

Лола уже почти плакала. Я поняла, что надо срочно что-то делать, и вспомнила, что она обожает Гарри Поттера.

— Шрам отличает тебя от других. Он у тебя почти как у Гарри Поттера.

Лола вздохнула, еще раз посмотрела на себя в зеркало, с силой потерла бровь пальцем и, кажется, наконец приняла себя такой, какая есть.

В начале отношений хочется разговаривать. Обсуждать новый сериал, книги и кому как нравится проводить отпуск. Хочется сидеть на лавочке у канала и смотреть на проплывающие лодки. Именно это формирует из двух отдельных людей пару: знания друг о друге, совместный опыт, общие эмоции. Однако в нашей ситуации к традиционным атрибутам сразу прибавились дети.

Не только первая, но и почти все последующие встречи проходили в их присутствии. Разговоры по телефону — преимущественно о них же. Переписка тоже — о проблемах со старшей дочерью моего будущего мужа и о спортивных успехах младшей.

Мы, взрослые, почти не говорили ни о себе, ни о чем-то абстрактном. Большую часть времени мы разбирали, почему Жасмина убежала из дома, как Лола переживает за свою гимнастику и помогает ли куриный бульон вылечить простуду. Путь, которым мы двинулись, был абсолютно тупиковым: будущий муж ждал от меня эмпатии, когда рассказывал о своих методах воспитания детей, а получал осуждение. Я видела массу ошибок по отношению к детям, и в роли родителя я бы поступала по-другому. Я говорила ему об этом и получала отпор.

Дети присутствовали рядом с нами почти постоянно. Иногда они поднимали темы, которых взрослые избегали.

«Наташа, а мы теперь будем жить вместе?»

«А если с папой что-то случится, ты останешься с нами?»

«А если у тебя будет свой ребенок, ты кого будешь больше любить?»

И было непонятно, как отвечать на такие вопросы.

Когда в отношениях активно присутствуют дети — не переживают у бабушек, пока взрослые строят отношения, а находятся все время рядом, пара изначально многого недобирает — она, по сути, не формируется.

Конечно, на свидании хочется проводить время с женщиной, а не с детьми. И говорить — о нас, а не о них. И слушать комплименты, а не жалобы на детей. Все не дававшие мне покоя мысли, мои страхи начинали казаться не такими уж значимыми — они терялись на фоне проблем детей.

В первый момент мне остро захотелось им всем помочь, а во второй — сбежать. Вот прямо сейчас перенестись куда-нибудь, где меня спросят: «Наташа, а что ты любишь? Какие тебе нравятся фильмы? Как обычно ты проводишь вечера?»

И все же дети на свидании с женщиной — это бесконечное доверие: кажется, он приоткрыл тебе важную, бесценную часть своей жизни. И нужно по достоинству оценить этот подарок. Дети на свидании — это открытость и прозрачность. У взрослых в такой ситуации просто нет возможности быть неискренними, лукавить, недоговаривать, колебаться. Если я так интегрирована в жизнь детей, а дети в мою — значит, мы уже семья.

Дети часто и не вовремя задают «детские» вопросы — прямые и откровенные. Они обнажают наши проблемы, шероховатости в отношениях, пробелы в понимании себя.

Если вы хотите быть честным с ребенком, придется сначала стать честным с самим собой. И эта честность может оказаться непривычной и весьма болезненной.

Когда ребенок вдруг задает неудобный вопрос, родители (или вообще взрослые) чаще всего поступают стандартно. Методы выработаны годами и опробованы многими поколениями: перевести разговор на другую тему, переключить внимание, пристыдить, обвинить за интерес к недозволённой теме.

Но на самом деле взрослые таким образом уворачиваются прежде всего от ответа самим себе — перевести стрелки на детей оказывается намного проще.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

